

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

НЕПРИСТУПНАЯ ЖЕНЩИНА

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Галина Владимировна Врублевская

Карьеристки

Серия «Романы и сборники
малой прозы», книга 11

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8170417

Карьеристки / Врублевская Г. В.: Букмастер; Москва; 2014

ISBN 978-985-549-773-9

Аннотация

Маргарита Андреевна преподает на литературных курсах и параллельно пишет роман об Александре Куприне, которого считает своим родственником. Женщина очень рассчитывает на литературную премию, но в Интернете ее произведение начинает троллить некто Змей Горыныч, явно кто-то из близких знакомых. Таких недоброжелателей у каждого успешного писателя всегда много. Писательский мир так сложен, и нравы, царящие в нем, такие разные...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	45
Глава 4	57
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Галина Врублевская

Карьеристки

Часть 1

Таланты и влюбленности

Глава 1

Маргарита Андреевна привычно испытывала вдохновение, поднимаясь по беломраморной лестнице старинного особняка. Какое счастье в наш век минимализма прикоснуться к такой роскоши! Женщина провела ладонью по широким деревянным перилам, отполированным множеством рук. В советское время здесь размещалось научное учреждение, и залы дворца были разгорожены на клетушки, отчего беспощадно разрезались лепные карнизы на потолках. Ныне помещение арендовали бизнес-структуры, в том числе коммерческий учебный центр, где она преподавала на литературных курсах. Сюда шли за практическими знаниями начинающие авторы: будущие сценаристы, драматурги, прозаики и поэты. Студийцы-литераторы изучали множество предметов, но особое место в учебном плане занимали семинары в

творческой мастерской. Маргарита Андреевна Орехова вела мастерскую прозы.

Как обычно, она пришла в аудиторию пораньше, надеясь просмотреть в ноутбуке работы слушателей, скинутые ей на электронную почту, и освежить в голове план предстоящих занятий.

Сегодняшний семинар был первым после длинных летних каникул – курсы длились два года, и подопечные вышли на финишный отрезок обучения.

Маргарита включила ноутбук, зашла в почту, но в ящике было пусто. Ну и ленивцы! Ведь просила прислать рассказы до начала занятий! Придется иначе строить урок. Преподавательница задумалась, но ее уединение было нарушено: в аудиторию влетела Кристина – в одном лице администратор курсов и почти подруга. Тряхнув гривой рыжих волос, огорошила новостью: придется выезжать из этого особняка. Присев на первом ряду, выложила подробности:

– Это катастрофа, Марго! Владелец здания повышает аренду в два раза! У нас таких денег нет и не предвидится, если только не поднять плату за обучение. Другой вариант – проводить занятия на окраине, мы уже договорились с одной школой. Здесь, в центре города, ничего подходящего не нашлось. Сегодня объявишь новость курсантам.

Услышав слова про увеличение платы, Маргарита опешила, ведь курсанты уже внесли ее до конца обучения и им гарантировали, что дополнительных сборов не будет! Жен-

щина резко выпрямилась на стуле, и отведенные назад плечи теперь маскировали легкую округлость спины, придавали твердость осанке. Но лицо оставалось неподвижным под темными волосами, подстриженными каре. Длинная прямая челка спадала на слегка прищуренные сейчас глаза. Маргарита решительно выразила свое несогласие.

Слушатели нетерпеливо заглядывали в аудиторию, но Кристина останавливала их жестом ладони. Мол, подожди те, здесь важный разговор.

А Маргариту Андреевну возмутило не только содержание новости, но и то, что Кристина не предупредила заранее. Наверняка проблема с помещением обозначилась еще летом. Но почему объявить об этом решили лишь сейчас, когда начался очередной семестр? Администрация боялась, что слушатели разбегутся, бросят курсы, не захотят ездить на край города или платить втридорога? А теперь их просто ставят перед фактом. Это же непорядочно!

– Если вы поднимете плату или перенесете занятия на окраину, я уйду. Я не стану играть в ваши игры!

– Курсы ты не можешь оставить: у тебя контракт на два года, – хладнокровно заметила Кристина, – а слушателям придется ездить на окраину, если они откажутся внести дополнительную сумму.

– Это невозможно!

– Другого выхода нет!

Лицо шефини-приятельницы, казавшееся еще бледнее от

контраста с медно-золотистой гривой волос, превратилось в казенную маску администратора. И если в часы досуга Маргарита еще могла о чем-то поспорить с Кристиной, то сейчас было очевидно, что любые возражения бесполезны. Маргарита Андреевна опустила плечи, округлив привычно спину, и вся фигура ее приняла покорный облик. Даже уголки губ съехали вниз.

Добившись покорности, Кристина безмятежно заметила:

– Что ты, Марго, раньше времени психуешь?! Поговори вначале с учениками, послушай их мнение. Народ-то у тебя не бедный, глядишь, выложат дополнительную сумму, не станут мелочиться.

– Но это же не их проблема, они оплатили занятия...

– Ладно, пока-пока! Передашь курсантам мое объявление!

– Постой, Кристи! Объяви им сама...

Но Кристина уже выскользнула за дверь, взмахом руки разрешив слушателям войти в аудиторию.

* * *

О былой роскоши дворца напоминали только высокие потолки с лепными карнизами, в остальном интерьер представлял обычный класс: школьные столы, матово-зеленая доска на стене, учительница за маленьким столиком. В этой обстановке и взрослые люди ощущали себя школярами, хотя

иные очень давно оставили парту. Двенадцать учеников, двенадцать литературно одаренных людей сидели сейчас в кабинете.

Нарастал легкий гул. Слушатели, настраиваясь на занятие, доставали из сумок тетради, диктофоны, очки; переговаривались с соседями. На втором году обучения они становились выпускниками. До Нового года в расписании еще стоят лекции и семинары, затем три месяца, чтобы написать дипломную работу, и защита! За прошлый учебный год курсанты перезнакомились, но дружной группу назвать было нельзя: уж слишком разными оказались люди и по возрасту, и по социальному, и по семейному положению. И хотя сплоченности не было, некоторые симпатии и связи наблюдались.

Маргарита Андреевна постучала ручкой по столу, призывая к тишине. Извинилась, что задержалась с началом урока. Мол, появилась проблема, касающаяся всех, но разговор будет в конце занятия. А сейчас просит учеников отчитаться, что нового написали за летние каникулы. Напомнила, что они должны были прислать ей готовые работы еще две недели назад. Преподавательница окинула пытливым взглядом питомцев, пытаясь угадать, в ком вложенные труды откликнутся всплеском таланта. В классе повисло молчание. Все уткнули глаза в парты.

«Как дети на уроке», – улыбнулась про себя Маргарита.
– Ну смелее же, коллеги! Придется мне вас самой потревожить. Начнем с последней парты. Наташа Гуляева! Чем

нас порадуете?

Почти наголо стриженная девушка в длинном цветастом платье в стиле кантри, выпускница художественного колледжа, избегая взгляда руководительницы – летом она тонула в очередном любовном приключении, так что было не до писательства, – отозвалась:

– Я несколько раз начинала, Маргарита Андреевна, но как-то не шло. Пока нечего показать. Но я обязательно напишу что-нибудь!

– А что скажет нам ваш сосед Миша Гутин?

Темноволосый парень с выбивающимися из-за ушей кудрями, уже заявивший о себе как неплохой фантаст, скороговоркой – он немного заикался – пробубнил:

– Я тоже пас. На работе бумагами завалили, все лето как папа Карло трудился, даже отпуска еще не отгулял.

Маргарита Андреевна вздохнула: Миша – молодой юрист, не удивительно, что его нагружают по полной. Она продолжила пытаться остальных начинающих авторов.

Порадовала новой работой Аня Куприянова, «племянница» Маргариты, состоящая на самом деле с ней в более отдаленном родстве. Маргарита Андреевна всем представляла девушку как племянницу, да и Анечка с детства привыкла называть Маргариту тетей. Отношения у них складывались непросто. В свое время девушка приехала из Гатчины учиться на ветеринара. Вроде бы городок рядом, под Питером, но каждый день не наездишься, и потому Аня поселилась у те-

ти. Маргарита Андреевна ее опекала: по выходным готовила обед, выводила в музеи и на концерты. Тогда Маргарита чувствовала себя очень одиноко после развода и потому так пеклась об Анечке. Но в какой-то момент обе – и тетя, и племянница устали от общения. Студентка-первокурсница, почувствовав студенческую вольницу, не хотела выслушивать замечания тетушки по поводу манеры одеваться и поведения. Маргарита Андреевна требовала, чтобы девушка прекратила курить – сама она, хоть и вела несколько божественный писательский образ жизни, не имела пагубных пристрастий или нездоровых привычек. А еще тетю возмущало, что Аня оставалась равнодушной к сокровищам всемирной культуры, только разок сходила в Эрмитаж, а от посещения других музеев категорически отказалась. Кафе и дискотеки привлекали ее куда больше. Поэтому Аня переехала в общежитие, и регулярное общение между ними прервалось.

Но прошлой осенью, после пяти лет отчуждения, племянница позвонила Маргарите Андреевне. Аня к тому времени уже получила диплом ветеринара, но не могла найти прямого применения знаниям, работала в зоомагазинчике, торговала кормом для животных. Она сказала тете, что ненавидит свою работу, покупатели надоели своими историями о питомцах, но зато начала писать рассказы и хочет посоветоваться с Маргаритой как писательницей, стоит ли продолжать писать. Таким образом Аня и оказалась на литературных курсах. Я написала только двадцать страниц, хотела от-

редактировать, потому не выслала еще.

– Молодец, двадцать страниц текста – это хорошо. Отредактируй и присылай на мейл, только не затягивай. Итак. Кто еще выполнил задание? Георг?

Георгий Петрович Игнатов, представившийся еще на первом занятии Георгом, был старостой группы. Военный пенсионер, капитан первого ранга в отставке, он сохранял приверженность морскому прошлому: поверх чуть помятых трикотажных футболок с отложными воротничками непременно надевал форменный китель – без погон, но с золотистыми морскими пуговицами. Седой ежик волос дополнял капитанский облик, не хватало только трубки в зубах. Успехи Георга были более чем скромными: бывшему капитану никак не удавалось переплавить свой жизненный опыт в художественную форму. Вот и сейчас он пожаловался:

– Написал рассказ, только вот окончание никак не придумать...

– Рассказ из жизни? – поощрительно улыбнулась Маргарита Андреевна.

– Хотел из жизни, но как-то все неинтересно получается. Стал придумывать детали, вышло и того хуже.

– Может, на следующем занятии вынесем на разбор ваше произведение? Коллеги подскажут что-нибудь дельное.

– Подскажут и но мордасам смажут! Нет-нет, я еще поработаю, – испуганно заморгал глазами бравый капитан, представив, как группа раздраконит его еще сыроватый рассказ.

Вверх взметнулась рука: вдруг проявила инициативу другая возрастная ученица – Лидия Валерьевна Пьяных. Она, уже достигнув пенсионного возраста, продолжала работать библиотекарем и чуть ли не единственная в группе имела профильное гуманитарное образование. А еще она могла похвастаться публикациями в районных газетах и отраслевых журналах, поэтому держалась уверенно. Лидия Валерьевна болезненно относилась к критике, но, преодолевая себя, выносила свои труды на суд товарищей по перу. И на этот раз сообщила, что проделала большие архивные изыскания и написала семейный очерк «Дворянское гнездо» – Пьяных имела дворянские корни и при случае упоминала об этом.

Маргарита Андреевна сделала запись в своем блокноте и продолжила опрос группы.

Когда она назвала фамилию последнего участника, Шитикова Олега, он дернул головой и начал ритмично постукивать ладонью по столу. Маргарита Андреевна поняла, что у мужчины опять начался эпилептический припадок. Все замерли в ожидании. Товарищи сочувственно относились к недугу сокурсника, и хотя приступы его проходили в легкой форме, но все же в воздухе в такие моменты повисало напряжение. Три минуты спустя Шитиков пришел в себя и вопросительно посмотрел на Маргариту Андреевну. Она его о чем-то спрашивала?

Но руководительница не решилась вновь тревожить больного человека и сказала, что напишет ему задание по элек-

тронной почте.

Тянуть дальше с вопросом, затронутым Кристиной, было невозможно. И руководительница передала группе сообщение администрации: или слушатели должны внести дополнительную плату, или смириться с тем, что занятия будут проходить у черта на куличиках.

Выплеснула новость, будто ведро студеной воды, и теперь ожидала реакции. Оправдываясь, добавила, что сама считает возмутительным, когда цену обучения меняют после оплаты, и замолчала.

В аудитории поднялся ропот, слышались саркастические реплики и возгласы возмущения. Курсанты решили писать жалобу в инстанции. И хотя свою преподавательницу щадили, некоторые слушатели полагали, что она, человек заслуженный, могла бы вести себя решительнее.

А Лидия Валерьевна Пьяных на правах старшей по возрасту осмелилась прямо обратиться к руководителю. Писатель она или нет? Почему не стукнет по столу в кабинетах администрации, ведь Маргарита Орехова – член Союза писателей, автор нескольких книг, пусть не слишком известный, но активно работающий. Почему не поставит вопрос ребром? Или боится потерять преподавательский приработок? Курсанты косвенным образом взвешивали писательский авторитет своего руководителя. И от ответа сейчас зависела весомость ее мнения и в остальных вопросах. Но Маргарита Андреевна не стала ничего отвечать.

Руководитель мастерской выглядела еще привлекательной и моложавой женщиной: и насыщенного каштанового цвета прическа-каре с безукоризненной линией челки, и облегающее подтянутую фигуру трикотажное платье, и туфли на каблуках, и золотая цепочка на почти гладкой еще шее, и по два перстня на каждой руке – настоящая писательница! Но вот так, лицом к лицу с аудиторией, возраст было не скрыть: уже обозначились полукружья под глазами, проблески седины у висков, резко очерченные носогубные складки. Женщина, безусловно, интересная, но...

Именно так ее оценил сразу и староста группы Георг Игнатов. Перед ним самим уже маячила цифра шестьдесят, так что ему хватало опыта оценивать дам по сохранности кожи, а не по яркости щек. В лучшем случае он дал бы Маргарите сорок семь, но не исключено, что она на пороге полтинника. Эти арифметические подсчеты не мешали ему преклоняться перед наставницей. Однако его безуспешные попытки за минувший год как-то обозначить свое отношение, выразить свою симпатию, то ли не замечались Маргаритой Андреевной, то ли намеренно игнорировались.

И сейчас Георг кинулся руководительнице на подмогу, когда группа слишком расшумелась. Встал, застегнув тесноватый морской китель, и призвал своих товарищей успокоиться. Сказал, что обмозгует, что можно предпринять. Попросил Мишу Гутина как юриста взглянуть на вопрос профессионально.

Однако шум не стихал. Большинство заявили, что доплачивать не смогут, и так еле наскребли на оплату курса. Только толстяк Вася Мячиков, менеджер какой-то фирмы, был готов выложить дополнительную сумму. Олег Шитиков, еще слегка заторможенный после приступа, грустно заявил, что не сможет ни доплатить, ни ездить на окраину. Тогда Георг взялся сам написать заявление и доставить жалобу в администрацию города. Однако даже при положительном исходе вопрос о месте проведения следующего занятия повисал. На окраину ехать все дружно отказались.

И тогда Маргарита Андреевна встала, окинула взглядом группу и предложила провести следующее занятие у нее дома. Сказала, что буквально на днях переехала в квартиру, находящуюся неподалеку, тоже в районе Сенной площади.

– У меня, правда, вещи еще не разобраны, лежат в коробках. И стола нет, завтракаю на подоконнике в кухне. Стеллажи куплены, только лежат еще в разобранном виде. Остальную мебель должны привезти со дня на день – в общем, в квартире только голые стены.

Маргарита сама удивилась внезапному альтруизму – пусть бы администрация разбиралась с возникшей на курсах проблемой, но отступать было некуда.

Предложение встретили с энтузиазмом. Мужчины тут же пообещали помочь с обустройством квартиры, заодно решили, что надо скинуться на праздничный стол, отметить и новоселье, и начало нового учебного года. Дремавший до того

момента Вася Мячиков вновь проснулся, сказал, что доставит по оптовым ценам вина. Женщины озаботились остальным меню. Совсем неожиданно следующее занятие грозило превратиться в грандиозную вечеринку.

Но Маргарита Андреевна остудила пыл учеников, заметила, что праздновать им еще нечего. Вот когда произведение каждого слушателя будет напечатано в журнале или выйдет отдельной книгой, вот тогда и отметят эти события. Поставила условие: никакого алкоголя, только чай и печенье, в крайнем случае бутерброды.

За те полчаса, что обсуждали план следующей встречи на квартире Маргариты, Георг успел настроичить первый вариант заявления в администрацию города. Он встал, вновь призвал всех к тишине. Только, вставая, забыл застегнуть китель, и его небольшой животик, обтянутый мышинового цвета футболкой, боевито смотрел вперед.

– Мы творческая группа. Нам обязаны предоставить... **Если мы** подпишем коллективное письмо, **я** доставлю его в Смольный, дойду до губернатора, **я** потребую...

В торжественную речь старосты ворвался звонок мобильного – это, вопреки правилам, звонил телефон Маргариты Андреевны. Обычно она выключала его и требовала того же от слушателей, но сегодня из-за разговора с Кристиной, забыла. Хотела тотчас сбросить звонок, но мельком глянув на экран, увидела фамилию Рубальского. Виктор Рубальский, председатель секции прозы их Союза писателей, звонил ей

очень редко. Маргарита Андреевна не признавалась даже себе, что ее волнует любое общение с председателем секции, каких бы материй оно ни касалось. К счастью, она не видела себя со стороны, а то почувствовала бы неловкость за яркую вспышку, озарившую глаза. Извинившись перед группой, приняла звонок.

– Марго, привет! Это Рубальский говорит. Ты ведь собиралась подавать работу на конкурс? Завтра последний день! Я сейчас просматриваю все документы... В общем списке ты значишься, а материалов твоих нет.

– Почему такая поспешность? Почему все надо сообщать в последний день?

– Здравьте! Две недели назад все оповещены, спроси у Кристины, она занималась сбором заявок. В общем так. Препираться нет времени. Скинь сейчас же мне по e-mail пакет документов, а бумажную рукопись привози в Союз. Прямо сейчас, не тяни.

– Извини, Витя, у меня сейчас семинар, никак не могу.

– Это мне надо или тебе? Ну хорошо. На почту скинь вечером, а завтра с утра бумажный экземпляр привезешь.

– С утра в какое время?

Последние слова прозвучали в пустоту, потому что Рубальский отключил связь. Вместе с экраном погас и взгляд Маргариты.

Маргарита Андреевна посмотрела на часы – пора заканчивать занятие. Оно сегодня как-то сбилось, скомкалось. И

вообще день неудачный. Вот и с конкурсом не понятно почему мимо нее информация прошла. Почему Кристина ей ничего не сказала? А ведь с предстоящим конкурсом Маргарита связывала определенные надежды: там и денежная составляющая весома, и морально почетно: лучшие писатели России не гнушались выставлять на него свои работы. И ведь чуть не пролетела, все у них в Союзе тайком делается, хорошо что Витя по дружбе беспокоился.

– Друзья, занятия окончены! – обратилась она к слушателям. – Итак, через неделю жду вас у себя в это же время. Запишите адрес.

И не дожидаясь дальнейших обсуждений вопроса с помещением, Маргарита Андреевна надела свой длинный плащ, маскирующий небольшие изъяны пополневшей с годами фигуры, и вышла из класса.

Торопливо постукивая каблуками, она осторожничала, боясь поскользнуться на едва заметных вмятинах мраморной лестницы. Да, в царские времена здесь лежали ковровые дорожки – вот и скобочки для их крепления сохранились, но и без дорожек лестница выглядела величественно. Не удивительно, что учебный литературный центр пытались выселить из этого шикарного здания, находящегося в самом центре Питера. И что обидно: она несколько лет ездила в центр с окраины, из спального района Купчино. А едва получила новую квартиру, радуясь, что будет ходить на работу пешком, как хозяйева давно почившего НИИ задрали арендную плату.

Будто насмешница-судьба вытребовала возмещение за свое благодеяние: осчастливила преподавательницу квартирой в центре и отобрала помещение у курсов. Нелепая компенсация, но факт налицо!

* * *

А курсанты остались в классе, продолжая сочинять письмо губернатору. После часа напряженных споров обращение было составлено. Наконец стали расходиться. Вася Мячиков и еще несколько человек отправились в кафе, их взволнованные души требовалось остудить пивом. А Георг, главный организатор бунта, отделился от всех: он был за рулем, выпивать не мог да и не хотел – в последнее время стало прихватывать сердце, так что удовольствие становилось во всех смыслах рискованным. Сев в свой стального цвета «логан», достал телефон, чтобы доложить Маргошс – так он обозначил в блокноте мобильника руководительницу, что дело сделано, письмо-прошение на имя высокой персоны составлено, осталось лишь подписать его.

Ничего личного, просто деловой звонок. Но Георг обманывал себя: сегодня впервые за последние годы он вновь почувствовал себя молодцеватым офицером, каким был когда-то. Капитаном, а не хмурым охранником на автостоянке, где каждый малец обращался к нему на «ты», требуя открыть ворота. Из-за своей бытовой неустроенности – маленькой

пенсии и такой же зарплаты, при этом вынужденный помогать старшей сестре, он после развода поставил крест на личной жизни. Округляя годы по правилам арифметики, уже считал себя шестидесятилетним, хотя до юбилея оставалось еще три года. А сейчас он звонил не только по делу. Георг решил провести разведку боем относительно семейного положения руководительницы: почему-то ее разговор по телефону с женщиной сегодня затронул его. До сего дня он был уверен, что она одинока, он всегда узнавал об этом по едва заметному кокетству одиноких женщин. Но этот разговор был явно с женщиной, ведь как засветились ее глаза! Интересно, кем он ей приходится? В Георге неожиданно разыгрался самец, дремавший уже несколько лет.

Маргарита выглядела такой беззащитной, когда передала информацию от администрации, а сокурсники, особенно эта придурочная дворянка Лидия, накинулись на нее. Хорошо, что он взял в свои руки составление бумаги.

Георг завис пальцем над кнопкой вызова, затем все же нажал ее и услышал:

– Да, Георг, я вас слушаю. Закончилось ваше собрание.

В телефоне голос женщины казался более певучим, чем на уроке, он это сразу заметил. Даже слегка растерялся и от волнения почти охрип, докладывая о составленном заявлении. Затем прокашлялся и спросил, не возражает ли она, чтобы он приехал и помог обустроиться в новой квартире. Если что, он может завтра прямо с утра.

Маргарита Андреевна растерянно молчала, потом поблагодарила. Сказала, что есть забота – собрать стеллажи, но высказала сомнение в том, что он справится.

Георг бодро ответил, что имеет опыт столярных работ, как и прочих мужских искусств.

– Но тогда уже завтра днем приезжайте. С утра меня не будет дома.

– Днем? Еще лучше! К вам вход с улицы или со двора?

– Вход со двора, переулок Бринько – такой уголком, будто сломанный. А сам дом с башенкой прямо с площади виден!

– Распоряжение принято!

Стоя в пробке перед очередным светофором, Георг испытывал вину за то, что не помчался помочь Маргоше тотчас. Ей, поди, вещи складывать некуда, Она, поди, все ноги переломает, пробираясь через груды щитов в своей комнате. Или у нее не одна комната? Эх, где мои семнадцать лет или хотя бы сорок пять! Совсем слабаком сделался. Следовало бы сразу к ней поехать, да уж сегодня ни на что не годен, вымотался на курсах с этим заявлением и спорами, пришлось опять таблетки от сердца глотать. Хоть бы до дома добраться. Да, надо бы еще к ужину что-нибудь прикупить. Надюха, сестра, совсем сдала в последнее время, хотя ведь семидесяти еще нет, из дома почти не выходит. Ладно, что хоть на кухне еще кое-как управляется. Впрочем, понятно, что здоровье у сеструхи никуда, во время войны родилась, в эвакуации. Это ему повезло, уже в пятьдесят пятом на свет по-

явился, богатырем вымахал! Вот ведь как получилось. Вначале после смерти матери Надюха его до нахимовского училища тянула, курсантом был – тоже помогала, а теперь он свои долги сестрице отдает.

Не доезжая до дома, Георг остановил машину и зашел в шумный сетевой магазинчик, самый дешевый в их округе. И через полчаса вышел из него, нагруженный продуктами и товарами для уборки дома.

* * *

Маргарита Андреевна, облаченная в бархатистый спортивный костюм небесно-голубого оттенка, сидела на груденных упакованных досках – деталях будущего книжного стеллажа. Радость от переезда на новую квартиру еще не остыла, но как трудно в такой ситуации без мужской поддержки, коммерческие службы оказались ненадежны. Две недели назад она после многих лет скитаний по коммуналкам и съемным помещениям – переехала наконец в новую квартиру, в свою собственную! И мало того что стала обладательницей прекрасной однушки, поселилась не где-нибудь в дальних новостройках, а в историческом центре, в пяти минутах ходьбы от Сенной площади, совсем рядом с метро, с магазинами, с культурными учреждениями.

Голая лампочка на длинном шнуре осветила комнату, оклеенную белыми тисненными обоями. Какое счастье чув-

ствовать себя собственником! Здесь еще не было люстры, еще не были собраны стеллажи, а утварь частью лежала в еще не распакованных коробках. Лишь часть вещей женщина смогла выложить в стенной шкаф, но помещалось там немного и все уже было забито доверху. Но книги, диски, сувениры складывать было пока некуда. Очень удачно, что Георг предложил свою помощь, для нее всегда проблема найти рабочих, а потом и общаться с ними.

На съемных квартирах у Маргариты не было нужды думать о мебели, хозяева предоставляли все необходимое: и мебель, и бытовую технику. А теперь она оказалась почти нищенкой – ни кола, ни двора, хотя имелось главное – свой дом! Пусть метраж квартиры невелик, зато находится она в старинном здании с башенкой, с окнами, выходящими на площадь, где когда-то торговали сеном. С пятого этажа хорошо видны скамьи, стилизованные под крестьянские телеги, и люди, снующие между современными торговыми павильонами.

А принесла долгожданное счастье узкая комнатуха в коммуналке в доме по соседству. Маргарита въехала туда еще с матерью, но жить из-за соседей-пьяниц там было невозможно. Особенно после отъезда мамы за границу, когда она, едва выйдя на пенсию, вышла замуж за грека и уехала к нему. Позже Маргарита стала снимать жилье, а свою комнату сдавала. И вот комнатка наконец-то выстрелила, принесла неожиданный выигрыш! Ветхий дом расселили ввиду капи-

тального ремонта, и удалось выхлопотать как члену Союза писателей отдельное жильё в том же районе.

Своя квартира! И нет беды, что ночевать пока приходится на полу, на пляжном надувном матрасе, одолженном Кристиной.

Маргарита восхищалась практичностью подруги и часто обращалась к ней за советом. В свою очередь и сама делала для нее, что могла. Обе женщины не имели мужей, и взаимовыручка помогала им выживать. Когда Маргариту как опытного мастера прозы пригласили преподавать на курсах, она порекомендовала на место администратора Кристину. Подруга окончила заочный полиграфический, пыталась устроиться редактором и тоже пробовала писать романы, но постоянного места работы не имела. В результате Маргарита оказалась в подчинении у своей протезе!

Вспомнив, как жестко разговаривала с ней сегодня приятельница, Маргарита впервые пожалела, что устроила ее на работу. Решила, что, как только привезут заказанный на фабрике диван, вернет Кристине матрас и не станет больше у нее ничем одалживаться.

Осадок от хамских ноток в голосе Кристины не выветрился.

Чтобы отвлечься от неприятностей дня, Маргарита решила заняться делом необязательным, но приятным. Когда еще шел ремонт в квартире, она попросила строителей прибить над окнами карнизы, а также прикрепить деревянную план-

ку на стене. На ней она собиралась повесить лучшие фотографии, свои грамоты и дипломы.

Диплом химика-технолога в ее нынешней жизни не имел никакого значения. После развала НИИ, эту профессию пришлось оставить, а диплом пусть хранится в старой сумке. Там же останется лежать диплом менеджера по продаже мощных средств – ее занятие в период дикого капитализма, диплом дизайнера, удостоверение с курсов экскурсоводов и английского языка. Но диплом за лучший литературный перевод Агаты Кристи она повесит на стенку. И пожелтевшую грамоту с тисненым красным профилем Ленина, что подтверждала победу в давнем студенческом конкурсе поэтов. Грамота подтверждала, как рано в Маргарите проснулась тяга к творчеству.

Однако уже много лет она не сочиняла стихов, не делала переводов, теперь она писала исключительно романы. Дебютировала в тридцать пять. Вначале работала под чужим именем, подрядившись в литературные рабыни. Затем издала сборник рассказов за свой счет, ее приняли в Союз писателей. И лишь недавно сбросила ярмо работы на чужого дядю и стала писать о насущном, о том, что волновало ее. Но издать серьезную книгу было затруднительно, чтобы свести концы с концами, пошла преподавать на курсах писательское мастерство.

Когда материальный вопрос был утрясен, снова потянуло к творчеству. В свободное от преподавания время Мар-

гарита писала новый роман. Тот самый, что рассчитывала подать на престижный конкурс. Уже не подстраиваясь под капризные требования издательств, она занялась биографией своего любимого беллетриста Куприна. С этой рукописью она связывала последние надежды: если роман будет замечен, то перед ней откроется дорога к широкому читателю, придет долгожданная популярность, а денежное вознаграждение даст независимость на год-другой.

Достав из коробки очередную грамоту, вспомнила о предупреждении Виктора Рубальского, что прием работ на московский конкурс заканчивается. У нее всего один вечер и завтрашнее утро!

Надо же отправить электронную рукопись Вите, и биографию, и список публикаций! Включила компьютер и обнаружила, что не работает Интернет. Ну конечно же, у нее здесь новый провайдер, видимо, оплата еще не дошла. Что делать?! Ладно, бумажный экземпляр все равно завтра своими ножками доставлять. Зато в автономном режиме компьютер работал без сбоев. Потратив почти два часа, Маргарита вывела роман на принтер. Рукопись представляла собой внушительную стопку, бумаги хватило едва-едва, остался лишь один чистый лист. Последний раз взглянула на заголовок: «Беллетрист Куприн и его женщины». Название она менять не станет, поскольку оно отражает факты и несет рекламный посыл. Распечатав роман, отыскала файлы со своей биографией, выбрала нужный вариант и перенесла текст

на флешку. Туда же скопировала списки публикаций. Пусть она запрыгивает в последний вагон, сдает материалы в последний день, но ведь успевает!

И все же тревога не отпустила до конца. Почему возникают помехи в продвижении романа на конкурс? Маргарита Андреевна, как и большинство творческих людей, была склонна к суевериям и мистике. Так, она не сомневалась, что помещение на курсах отняли как плату за ее квартиру. Но препоны для продвижения книги на конкурс – чуть не пролетела со сроками, Интернет в критический момент не работает, бумаги для распечатки едва хватило – это не объяснить ничем. Складывается впечатление, что ее роман не заслуживает высокой чести быть отмеченным... Нет, надо искать смысл в позитивном ключе! А если жизнь подталкивает ее к более частым встречам с Рубальским, к сближению с ним? Виктор Игоревич в свое время дал рекомендацию в Союз и выказывал покровительство в разных писательских вопросах, они даже общались на «ты», хотя их отношения скорее напоминали дружбу между школьниками, без всяких движений в сторону, свойственных для взрослых мужчины и женщины. А Витя, безусловно, привлекал ее как мужчина. И то, что он женат, вряд ли можно считать непреодолимой преградой для чувств, если не выстраивать далеко идущих планов. Но с его стороны никаких знаков не замечалось, хотя Маргарита и демонстрировала определенную готовность к сближению.

Зазвонил мобильный. Маргарита взглянула на экран: снова Кристи!

– Привет, Кристи! Случилось еще что-нибудь?

Разве просто так нельзя позвонить, поболтать? Ты чем занимаешься? Да вот занималась распечаткой рукописи, подготовкой документов для конкурса. Говоря по правде, обижена на тебя. Завтра последний день сдачи работ, а я узнаю об этом в последний день от Виктора. Он сказал, что ты должна была всех оповестить. Тем более ты же знала, что я только что закончила новый роман!

Кристина не была уверена, что действительно не сообщила Маргарите о конкурсе, но было бы нелепо признаваться в этом. И она, повышая голос, поспешно заявила:

– Я тебе раза три напоминала, но ты всегда вполуха меня слушаешь, все в каких-то эмпириях витаешь!

– Неужели? Да, бывает, что я задумаюсь и ничего вокруг не слышу, не вижу. Ты должна была от меня обратную связь получить в таком случае. Ну ничего, я еще успеваю подать, хотя времени тютелька в тютельку. Я уже все материалы подготовила, а сейчас баловством займусь.

– Баловством – это чем?

– Решила стены своими дипломами украсить. Мне рабочие и планку специально под дипломы-грамоты на стену прибили.

– Ну и похвастушка ты, Марго, молодым фору дашь! – пошутила Кристина. – Свободного места на этой линейке, уве-

рена, не будет при твоей-то коллекции наград и дипломов! Это все свидетельствует, что у тебя занижена самооценка.

– Наверно, так и есть! Награды помогают мне почувствовать себя уверенней.

– Не понимаю я тебя. Столько романов накатала!

– Так большинство под чужими именами вышли.

– Ладно, не будем снова воду в ступе толочь. Кстати, а ты сообщила своим студентам о переезде курсов, если они не внесут дополнительную сумму?

– Конечно. Георг затеял коллективное письмо в администрацию города, но скоро сказка сказывается... Я на следующее занятие группу к себе домой пригласила.

– Куда же ты их сажать будешь, у тебя еще и мебели нет?

– Надеюсь, что диван уже привезут, а нет – матрас твой согодится. Я его уже вполне оценила. Спасибо тебе за него.

– Я же говорила, что выход всегда найдется! И раз такое дело, ты не против, если я приду, послушаю ваш урок? Вы когда собираетесь, по расписанию? Ты предупреди, если время смените.

– Странная идея. Хорошо, приходи тоже.

Маргарита отключила телефон, чтобы без помех закончить украшение комнаты. Развесила оставшиеся грамоты, награды перемежались с фотографиями, где Маргарита стояла среди писателей, чье имя было на слуху. Но ей самой принести известность могло только присуждение главной литературной премии года.

На следующий день она привезла бумажную рукопись и электронный вариант в Союз и прошла напрямик в кабинет Рубальского. Он сидел за письменным столом в большом кабинете, ему великоватом, так что смотрелся председатель секции прозы каким-то одиноким на фоне книжных шкафов вдоль стен. Снова пожурил за рассеянность:

– Устал я, Марго, за каждым из вас смотреть, как в детском саду! Сказано было: последний день подачи материалов – пятнадцатого сентября, это же не значит, что до последнего тянуть надо. Вот и ты туда же.

– Я вчера впервые услышала от тебя, что уже дедлайн, конец приема рукописей. Мне и о начале никто не сообщил.

– Не надо мне морочить голову, Марго. Всем сообщили, а тебе нет. Вот у меня весь стол завален вашими работами!

Виктор Рубальский, в отличие от других писателей, пренебрегающих внешним видом, всегда был одет с иголочки, в костюме и при галстукe – не зря ему доверили руководить секцией прозы. Аккуратная русая бородка придавала ему облик классика. Хотя он, как и Маргарита, тоже не обладал широкой известностью, его хорошо знали в официальных литературных кругах. Недавно, когда отмечали добрый мужской юбилей – пятьдесят лет, его даже наградили правительственной наградой.

Маргарита Андреевна стояла, виновато опустив голову. Даже ее статная фигура, казалось, потеряла свою стать. В обтягивающей бедра юбчонке выше колена, цвета асфальта и светлой полупрозрачной блузе она казалась пионеркой, забывшей надеть галстук и сейчас получающей нагоняй от водителя. Маргарита теребила золотой крестик на шее, будто искала в нем спасение от гнева коллеги по перу. Обидно слушать несправедливые упреки, тем более от человека, которому симпатизируешь. Он, отчитав проповедь, уткнулся в бумаги. Маргарита Андреевна взяла со стула свой плащ:

– Я пойду, Витя?

– Я тебя не задерживаю.

Выйдя из Дома писателей, Маргарита посмотрела на часы. Георг обещал приехать в четыре часа помочь с обустройством, но до назначенного часа была еще куча времени. Испорченное с утра настроение следовало чем-то перебить. Позвонить Кристине и посидеть вместе в кафе? Но сейчас не хотелось ни с кем общаться. Решение пришло неожиданно: она поедет на Литераторские мостки – мемориальное кладбище писателей. С тех пор как начала изучать биографию Куприна, она и стала наведываться к его захоронению.

Глава 2

Маргарита миновала старинную каменную арку и теперь брела по дорожке, усеянной влажными пятнами зеленоватого мха. Кладбище располагалось в низине, и в старые времена для прохода между могилами прокладывали деревянные мостки, что и дало название кладбищу. Позже здесь стали хоронить литераторов и других выдающихся деятелей культуры и науки, а вместо досок появились грунтовые дорожки. Но топь продолжала втягивать в себя и утрамбованный подошвами галечник, и песок, насыпанный поверх гальки, и даже покосившиеся надгробия.

Маргарита Андреевна подошла к памятнику Александра Куприна и положила букетик хризантем на гранитную плиту, похожую на внушительный том книги. Каждый раз на могиле этого писателя она тешила себя иллюзией, что, возможно, он является ее предком. Доказательства родства найти в архивах пока не удалось, но в семье о нем говорили. Бабушка Клава рассказывала, что ее любимый супруг, для Маргариты деда Саша, считал себя внебрачным сыном классика. Что ему приходилось даже забегать в купринскую усадьбу в Гатчине, где прислуживала его мать. Но только имя деда, любимое в семье писателе, могло считаться отдаленным признаком близости к его роду.

Родная дочь Куприна писала в своих мемуарах: «А Саш

у нас было много. Папу звали Саша, няню Саша и... собаку. Как позовет мама: «Саша, Саша!» – так все трое и появляются. Но никто на это не обижался». Имя деда и еще фамилия, отдаленно сходная с купринской – Куприянов, могли привлечь внимание архивиста, но считать их достоверными подтверждениями было немыслимо. Да еще в семье Маргариты не сохранилось документов деда, они потерялись в эвакуации во время войны, а сам дед, Александр Куприянов, пропал без вести на фронте в Великую Отечественную. Достоверно известно одно: бабушка Клава родилась тоже в Гатчине, этом ближнем пригороде северной столицы, и там же познакомилась со своим Сашей Куприяновым. Но писателя Куприна она никогда не видела, потому что он уже жил к тому времени в Париже.

Маргарита Андреевна искала хоть какую-то зацепку, выводящую на деда, делала запросы в военные архивы, чтобы проверить семейную легенду, но поскольку даже дата рождения деда была известна лишь приблизительно, ответа не было. Подступалась Маргарита и с другой стороны, изучая биографию писателя, его романтические истории. Но подтверждались данные лишь о его женах и законных дочерях, все остальное было окутано паутиной домыслов и слухов. И все же было еще одно доказательство родства (или просто совпадение): внешность! И предполагаемая внучка писателя – мать Маргариты, и сама она – все имели слегка азиатские черты лица: заметные скулы, с характером разрезом вы-

разительные глаза, смугловатую кожу. Все те признаки, что можно было увидеть на любом портрете знаменитого беллетриста. Притом и брат-близнец матери, Николай Куприянов, отец Анечки, тоже слегка походил на татарина. Все данные в целом казались более убедительным доказательством, чем отсутствие документального подтверждения мифа.

И хотя, роясь к архивам беллетриста, Маргарита Андреевна не нашла связующей нити со своими близкими, она уже ощущала с ним родственную связь. А собранный из-за личных побуждений материал подтолкнул ее к написанию беллетризованной биографии писателя. Роман получился интересным, в нем правда факта переплеталась с правдоподобием вымысла, что и выводило книгу на достойный литературный уровень. И потому уместно было выставить роман на конкурс.

Возложив цветы, Маргарита Андреевна отошла на шаг, постояла молча. И мысленно попросила душу уже слегка подзабытого сочинителя помочь ей получить престижную книжную премию. Живя в одиночестве, она уже привыкла разговаривать со своим нареченным предком. Вот и сейчас пожаловалась в пространство:

– Трудно мне, Александр Иванович. Живу одна, мужской опоры не имею, написанную книгу не издать. И отовсюду в мою сторону летят стрелы. Вот сегодня Витя, наш председатель секции, обругал ни за что. И мне это очень больно. Ведь я его... Нет, любовью это, конечно, не назвать, но очень ему

симпатизирую. С курсами опять-таки неприятность, помещение отбирают..

Она разговаривала с Куприным так, как могла бы говорить с отцом, если бы он был жив, но отца она потеряла в детстве. Он утонул, спасая чужого ребенка, и похоронили его там же, в Беларуси, откуда он был родом и где случилось несчастье. Ясное дело, что к нему на могилу не наездишься. Мама, вышедшая замуж за грека, тоже жила далеко. Да, матери семьдесят с небольшим, и она счастлива в семейной жизни, а Маргарите нет еще и пятидесяти, а устроить свою судьбу ей, очевидно, не светит. Если бы Виктор Рубальский был холост! Маргарита, правда, слышала, что семейное положение не мешало Вите отрываться с другими женщинами. Впрочем, «другим» не было и тридцати – мужчины в пятьдесят уже не смотрят на своих ровесниц, да и женщины, что моложе их на пять-десять лет, большинству тоже не интересны.

– Маргарита Андреевна! – услышала она мужской голос откуда-то, как показалось, из кустов, настолько внезапно он пререзал тишину.

Она обернулась.

– Георг, что вы тут делаете?

– То же, что и вы! Гуляю! Представляете, Маргарита Андреевна, я ни разу не был здесь. Наши ребята в группе обсуждали литературные места в городе, а я лишь ушами хлопал. И решил для себя, что обязан посетить это знаменитое

кладбище. Едва нашел его, какими-то глухими закоулками ехал, даже навигатор его почему-то не распознал сразу. А вы здесь тоже впервые?

– Ну что вы! Я здесь часто бываю! – воскликнула и тут же смущенно опустила глаза. Рассказывать о своих фантазиях относительно родства с писателем постороннему человеку желания не было. Впрочем, теперь, после написания книги, она может и не стесняться, открыться частично:

– Я работала над биографическим романом Куприна, так что приезжала сюда неоднократно, чтобы сосредоточиться над образом у его могилы.

– Вы для конкурса специально роман написали?

Вот, оказывается, и про конкурс знает.

– Нет, так получилось, вначале интерес возник, затем роман написался, а потом и конкурс подходящий подвернулся. А вы прицельно ищите могилу? Каких писателей хотите посмотреть? Могу провести для вас экскурсию!

– Давайте вначале посмотрим могилу академика Бехтерева, меня сестра попросила рассказать, как она выглядит. Надя книгу его дочери читала, Натальи Бехтеревой, и очень впечатлилась.

– Пойдемте, покажу! Захоронение недалеко от входа. Там вся их семья похоронена. А вы знаете, что академику Бехтереву пророческие сны снились?

– Да, сестра в той книжке вычитала.

Поговорили про сны, пока шли к захоронению. Георг не

верил вещим снам, а Маргарита хотя и верила, но спорить с ним не стала. Останавливались у могил других знаменитых персон, затем свернули к участку, где были похоронены писатели. Многие люди гуляют, внутренне уравнивая себя с великими, что было бы невозможно, будь те живы. За полтора часа Маргарита и Георг обошли все кладбище. Покойных классиков Георг не жаловал. Сказал, что читал в юности повести Куприна, но эти любовные истории его не впечатлили.

– Он не только о любви писал, но и о военных.

– Да какие в его время военные, так, форс один, шпорами на паркете звенеть.

Оказалось зато, что Георг запойно читал Конецкого, тоже писателя и моряка. Но его могилу здесь не обнаружили.

Заговорив о морских рассказах, Георг пожаловался:

– Вот не получается у меня так писать, как у него, а ведь тоже много баек мог бы читателям порассказывать.

– Литература, Георг, – это не байки, а душа.

– Душа, – повторил Георг задумчиво и тайком заглянул в глубокий вырез блузки своей спутницы. Может, там, в ложбинке между грудей, и таится эта самая душа?

Ему хотелось пошутить на эту тему, но он сдержался, справедливо полагая, что Маргарита не оценит соленый юмор. И перевел разговор в деловое русло:

– Нам пора возвращаться. Я ведь должен быть у вас в шестнадцать ноль-ноль, а сейчас пятнадцать часов. Мне еще надо домой заехать за инструментом.

– У меня все есть: и молоток, и отвертка, и даже дрель, я ведь самостоятельная женщина. Что вам взад-вперед мотаться, позвоните сестре, и поедем ко мне прямо сейчас.

Они вышли за ворота и направились к машине Георга.

Маргарита Андреевна, зная, что у нее дома нет обеда, по пути попросила Георга остановиться, затащила в магазин, где и накупила полуфабрикатов: блинчиков и котлет. Нормально готовить она давно отвыкла, поскольку не было для кого, а для себя одной смысла не видела.

Миновав Сенную площадь, припарковались в угловом переулке, у дома со шпилем, где теперь жила Маргарита Андреевна. Едва нашли место для парковки – здесь в центре каждый пяточок был занят. Завернули в сумрачный двор, вошли в подъезд, поднялись на пятый этаж по свежотремонтированной лестнице, еще пахнувшей краской, а не кошками.

– Вот здесь я и живу, – констатировала очевидный факт Маргарита, когда оба оказались в квартире. – Посмотрите, какой чудесный вид!

Оба подошли к чистому высокому окну и посмотрели на Сенную площадь. Мчащиеся по центру машины, десятки торговых павильонов по периметру – все вопило о современности. И только скамьи, имитирующие старые, полуразвалившиеся телеги напоминали о временах, когда по площади бродили герои Достоевского. Но об исторических реалиях подумалось только Маргарите, чьи мысли еще не успели вернуться из эпохи Куприна. А Георг, подойдя к подоконни-

ку, сразу озаботился практическим делом:

– Вот здесь, между батареей и стенкой, я могу хозяйственный шкафчик соорудить!

– Обсудим шкафчики чуть позже, Георг. Вначале обед! Неужели вы не проголодались? Я голодна как зверь.

Георг не возражал, он тоже проголодался, но как-то стеснялся сразу заговорить об еде.

Маргарита Андреевна разогрела в микроволновке блинчики, полила их сметаной. Потом спохватилась, достала из холодильника бутылку с коньяком. Рюмки найти не смогла. Виновато развела руками. Взяла чайные кружки.

– Плесну сюда, на доньшко?

Георг прикрыл свою кружку:

– Я же за рулем!

– Ох, я и забыла. Ладно, тогда себе налью глоточек. А вам соку. У меня есть апельсиновый.

Они чокнулись кружками.

Маргарита Андреевна сразу порозовела. Так она реагировала на все: на обидные реплики, на комплименты, на спиртное. Монгольские глаза ее заблестели:

– Георг, вы ешьте, ешьте! Я вам еще блинчик разогрею, – предложила Маргарита Андреевна, обгоняя в еде гостя. Она проглотила две штуки за один присест.

Георг усмехнулся и, заметив, что хозяйка быстро захмелела, решил сократить дистанцию. Целый год он мечтал перейти с ней на «ты», и вот теперь решился:

– Маргарита Андреевна, Маргарита...

Расслабленная от алкоголя Маргарита уловила особую волну, исходящую сейчас от Георга, и почувствовала острое желание откликнуться на нее.

– Можно без Андреевны, Георг, и, если хочешь, на «ты». Ты же старше меня, и мы сейчас не на занятиях.

И хотя Георга напоминание о возрасте не порадовало, он решил не упускать момент:

– И Маргошей разрешишь себя звать? Выпьем на брудершафт?!

Однако не стал сгибать руку, чтобы свиться с рукой Маргариты, а, поставив кружку на подоконник, наклонил голову и нацелился оставить поцелуй в вырезе ее блузки, куда метил взглядом еще на прогулке. Но в последний момент сменил курс и невинно пришвартовался губами к руке Маргариты.

Маргарита Андреевна отдернула руку, выплеснув каплю жидкости на обшлаг рукава кавалеру, затем строго сказала: Я согласна на «ты», по-товарищески, но давай без этих глупостей.

– Извини, Марго, не удержался. Я же мужчина, офицер.

– Да, мужчина. Но почему бы нам не быть просто друзьями? У меня много друзей мужчин, и наши отношения платоничны, как прежде говорили. Или ты не веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

– Верить-то я верю, только никогда сам с женщинами не дружил. Да у нас на флоте и женщин не было. А на берегу,

сама понимаешь ...

Георг замолчал. В голове пронеслась вереница женщин, проявлявших благосклонность к бравому капитану. Да, было времечко, хороводился немало. Потом жена, правда, ему отомстила, ушла к заместителю части, ушла навсегда. Случилось это тогда, когда Георга представили к сокращению и его будущее было в тумане. А впоследствии, когда он вынырнул из тумана, оказавшись простым охранником на автостоянке, рядом не оказалось ни жены, ни других женщин.

Наступило прагматичное время. Молодые дамы предпочитали бизнесменов или людей хорошо обеспеченных, а дамы бальзаковского возраста не интересовали его. Не интересовали до поры до времени, пока не встретил Маргариту. Он полгода присматривался к ней, пытаясь вяло ухаживать, но вчера эту вялость как рукой сняло. Преподавательница была так трогательно беспомощна, когда группа накатила на нее в связи с подъемом платы. И Георг усилил натиск, предложив помощь в разрешении конфликта.

Следующую порцию блинчиков разогревать не стали, решив побыстрее завершить трапезу и приступить к делу. Однако чаепитие было законом. Маргарита Андреевна снова ла по кухне, разыскивая чай и сахарницу среди множества предметов и продуктов, наваленных в два, а то и в три уровня. Георг в расстегнутом кителе сидел на табурете и разглядывал руководительницу. Смотреть сзади на Маргариту ему было так же приятно, как и спереди. Облегающая юб-

ка соблазнительно обтягивали ягодицы, ножки были идеальной стройности, а застежка бюстгальтера, просвечивающая сквозь полупрозрачную ткань, звала к действиям. Но Георг и на этот раз сдержал себя.

– Ты что, Георг? – хозяйка поймала внимательный взгляд гостя. – Что-нибудь не так? Уже чайник вскипел. Горячие бутерброды сделала.

После обеда Георг, чтобы размяться, стал кружить по комнате и увидел стену, завешанную дипломами и грамотами. Военское почтение к субординации, к наградам и званиям тотчас отозвалось в нем:

– Ого! Сколько у вас званий и наград!

– У «вас»? Кто полчаса назад брался?

– Маргариточка, я просто поражен, сколько у тебя заслуг! И сертификатов в два раза больше, чем у меня знаков и медалей.

– Разве можно сравнивать твои боевые награды и мои филькины грамоты!

И хотя Маргарита слегка иронизировала над своими грамотами, было очевидно, что она гордится ими. Вот получить бы главную награду – престижную премию, тогда можно будет без иронии сказать: «Моя книга оказалась лучше всех, поступивших на конкурс».

Но сейчас она свернула разговор о наградах и показала Георгу ящик с инструментами.

Через два с лишним часа стеллаж был собран и установлен

в предназначенный ему угол.

Вспотевший Георг, вытирая пот со лба, опустился на матрац, лежащий на полу. Маргарита принесла с кухни табуретку, села напротив.

– Ты мне здорово помог. Спасибо тебе большое, Гера!

– Меня Герой сестра называет, приятно, что и ты так меня назвала. Кстати, у тебя работы тут непочатый край. Ты скажи, когда тебе удобно будет, я еще приеду.

– Я обязательно скажу.

Вскоре Георг оделся и засобирился домой – было уже поздно. В прихожей он замешкался на секунду и пользуясь отсутствием лампочки, неловко, но с морской решительностью вновь приобнял Маргариту и припечатал своими губами ее. Он долго сдерживал себя, но сейчас был не в силах устоять перед удобным случаем, вроде как брал вознаграждение за проделанную работу.

Марго резко его оттолкнула.

– Георг! Я отказываюсь от твоей помощи. Больше ко мне приходить не надо!

– Я же пошутил, Маргоша!

– Шутить можешь с девочками. Если ты не понимаешь человеческого языка, то просто забудь этот адрес.

Она чуть ли не вытолкнула Георга на лестничную клетку и со скрежетом повернула внутреннюю защелку, будто опасаясь, что гость начнет ломиться обратно.

Да, она моложе на десять лет и позволила называть себя

на «ты», но бывший капитан как-то превратно понял ее дружеское расположение. Вот писатели из Союза совсем другой народ, они чувствуют, когда от другого исходит томление духа, а когда идет просто дружеский разговор. Но Георг – бестолковый солдафон, принял человеческое отношение за женскую игру.

Глава 3

Через неделю в квартиру Маргариты Андреевны пришли курсанты, вопреки ее предупреждению настроенные с размахом отметить новоселье. Первым появился Георг с огромным букетом пурпурных роз, не умещавшимся в одной руке. Выяснилось, что пристроить его некуда, у хозяйки имелась только маленькая вазочка для двух-трех стебельков. Поохав, мужчина заявил, что сейчас вернется, большая ваза обязательно должна быть в доме. И умчался искать хозяйственно-посудный магазин – в районе Сенной можно было купить все легко и просто. Племянница Анечка принесла пылающий красноватым оттенком цикламен в горшке. Ему с трудом определили местечко на подоконнике, где по-прежнему все было заставлено продуктами и посудой. Потом еще четверо гостей вручили общий букет из разноцветных астр. Его пристроили в раковине, обильно оросив водой из-под крана.

Как и обещала, пришла Кристина и подарила подруге элегантную паркеровскую авторучку с золотым пером. Появление администратора в квартире курсанты восприняли с удивлением, но Маргарита Андреевна пояснила, что Кристина не только администратор курсов, но и ее давняя знакомая. «Надеюсь, мы теперь все подружимся!» – смеясь, вставила Кристина и пошла по кругу пожимать руку всем присутствующим.

Мужская часть группы приветствовала ее с особым воодушевлением, не сводя глаз с ее внушительных размеров бюста. Маргарита Андреевна знала тайну этого богатства: ее подруга долгое время сокрушалась по поводу своей плоской груди и наконец решилась на операцию, чтобы вставить силиконовый имплантат. Сейчас все смотрелось очень естественно.

Вскоре Кристина заполнила собой всю однокомнатную квартиру, находясь одновременно во всех ее уголках: на кухне, в комнате, в ванной, всюду давала какие-то распоряжения, что-то устраивала, приспособлиwała. Она расстелила на полу посреди комнаты принесенную ею же одноразовую ярко-зеленую скатерть – сказала, чтобы сымитировать пикник на траве, и стала выкладывать продукты, курсанты расставляли одноразовую посуду. Оттого что празднество устраивалось по молодежно-походному варианту, все участники – народ давно и безнадежно взрослый – испытывали оживление и подъем.

Разумеется, запрет на спиртное был нарушен, и на скатерти появились не только коробки с соком, но и с десертным вином. А бизнесмен Вася Мячиков вынул из портфеля квадратную бутылку с коньяком и невозмутимо водрузил ее в центре импровизированного стола. На этикетке, сделанной по заказу, красовалось фото руководительницы, Маргарита Андреевна узнала свой юзерпик из Интернета.

Она покачала головой: нет, сегодня разговор о серьезном

не получится. Придется отказаться от намеченного плана занятий. Что ж, возможно, будет полезно пообщаться в неформальной обстановке, ведь за предыдущий учебный год они, встречаясь только в аудитории, толком не узнали друг друга.

А тут и Георг вернулся с объемистой стеклянной вазой в руках, другую руку ему оттягивал пластиковый пакет с бутылками шампанского. Старосту встретили возгласами одобрения. Группа выглядела такой сплоченной, что Кристина ни секунды не сомневалась, что все сдружились давно, и слегка позавидовала подруге, руководящей этим коллективом. Ей было невдомек, что катализатором сплоченности стала вдруг нависшая над группой опасность быть расформированной.

Первым тостом поздравили Маргариту Андреевну с новосельем, вторым выпили за творческие успехи всех присутствующих, а вскоре общение распалось на частные разговоры.

Вася Мячиков, давно скинувший куртку, сейчас оставался в белой футболке с принтом «Зенита» на животе. Он активно ухаживал за Анечкой Куприяновой, то и дело подливал ей вина. Она сопротивлялась, пила маленькими глотками, но Вася не сдавался и незаметно подлил коньяку.

А Миша Гутин скромно приглаживал пятерней свои кудри, молчал, внимая каждому слову своей подруги, бритоголовой художнице Наташи. Она, придирчиво разглядывая его профиль, делала набросок в блокнот, обещала написать

портрет. Зато громко спорили о поэтах серебряного века Лидия Валерьевна и Олег Шитиков. Он спиртного совсем не пил, следуя запрету врачей, но говорил так громко и задиристо, будто принял больше всех. Остальные курсанты разговаривали вполголоса и больше о себе, чем о великих пиитах.

Георг, подцепив вилкой кусочки сельди из банки, уложил их на хлеб и подал бутерброд Кристине. Она приняла подношение благосклонно, тогда бравый капитан стал развивать наступление:

– Кристина, я слышал, что вы пишете вампирские романы. Неужели это правда? Такая очаровательная, незащищенная женщина, и такая кровавая тема!

Кристина, прожевав кусок бутерброда, недовольно передернула плечами. Она скрывала свою вампирскую сагу, писала ее только ради заработка и под псевдонимом. Кроме Маргариты, как ей казалось, никто не знал об этой стороне ее творчества.

– Это кто же вам такой вброс сделал? Маргарита Андреевна?

– Что вы! Маргарита Андреевна обсуждает с нами только приемы писательского мастерства, своих коллег она не обсуждает. Это наши девушки выудили из Интернета. Теперь ведь ничего не скроешь, все в сети всплывает!

– Не знаю, что там ваши девушки выудили, только я работаю в детской литературе. Наберите в поисковике мое имя – Кристина Червякова, и узнаете, что я написала.

– Кстати, Кристиночка. Червякова – это тоже ваш псевдоним, да? Для лучшей запоминаемости?

– Почему псевдоним? Фамилия от отца досталась, я к ней привыкла, и она действительно запоминаема.

– От отца? А вы не замужем?

– Выла, но развелась, а фамилию не меняла, потому что еще до замужества успела ее прославить, – сделала ударение на последнем слове Кристина, показывая, что иронизирует над собой. Однако не удержала взятый тон и с гордостью добавила: – Меня в районной газетке еще в школьные годы публиковали!

Вдруг среди всплесков оживленной беседы раздались стоны. Выяснилось, что кому-то стало плохо. Маргарита Андреевна кинулась в сторону уборной, но дверь была заперта. Она вернулась в комнату, окинула тревожным взглядом гостей. Место рядом с Васей пустовало – отсутствовала Анечка.

– Василий, подойдите ко мне, – строго приказала Маргарита Андреевна, будто они находились в аудитории, а не в квартире.

Вася, с трудом обходя спины сидящих вокруг скатерти гостей, задев животом косяк двери, выбрался в прихожую.

– Да, Маргарита Андреевна.

– Признавайтесь, дружок, вы Анечку напоили?

– Да где там! Я всего рюмку и уговорил ее выпить!

Было очевидно, что сам Вася потерял счет своим рюмкам, он еле держался на ногах. Вряд ли он был точен и в оценке

того, сколько выпила его соседка.

Маргарита Андреевна снова постучала в дверь туалета:

– Анечка! Тебе плохо? Открой, пожалуйста, дверь!

Вскоре дверь открылась. Это была действительно Аня. Ее побледневшее лицо покрылось испариной. Она, покачиваясь, вышла в прихожую. Не глядя на гостей, взяла с вешалки свою ветровку, намереваясь выйти из квартиры. Маргарита Андреевна остановила девушку, изъев куртку, снова повесила на крючок.

Обняв Аню за плечи, отвела в комнату, попросив освободить место на матрасе. Курсанты встали, частью переместились в кухню, кто-то вышел с сигаретой на лестницу, а трое ушли совсем.

Маргарита Андреевна открыла окно, впустив в комнату уличный воздух, пропитанный влагой и выхлопными газами с площади. Вечерело, и Сенная площадь с высоты пятого этажа казалась теперь веселым аттракционом: по темному кругу стремительно мелькали огоньки машин, то ослепляя ярким светом фар, то вмиг превращаясь в цепочки красных предупреждающих огоньков. Как красиво начинался вечер, и как все скверно обернулось! Следовало срочно позаботиться о племяннице.

Маргарита Андреевна заварила крепкого чая, опустила в кружку кусок лимона и напоила Аню приготовленным напитком. Убедившись, что кожа девушки вновь порозовела, вернулась к гостям. Те, кто не ушел, неуверенно теснились

на кухне, хотя стало очевидным, что веселье пора сворачивать.

Женщины предложили помочь с уборкой, но хозяйка завила, что справится сама. Через четверть часа всех удалось выпроводить. И, едва ушел последний гость, как Анечка встала с матраца, как ни в чем не бывало. Собрала со ска-терти одноразовую посуду и сложила ее в мусорный пакет, обнаруженный на кухне. Нашла еще один – побросала в него объедки.

– Я вынесу все на помойку, тетя Маргарита. Где у вас мусорные бачки стоят?

Маргарита Андреевна удивилась такому быстрому протрезвлению племянницы, но остановила ее:

– Оставь пока в прихожей, у порога, завтра по пути на улицу захвачу. Бачки в соседнем дворе, ты не найдешь. Если хочешь, налей воды в ведро да протри пол в комнате и на кухне.

И, поняв, что Аня чувствует себя сносно, принялась ее воспитывать:

– Анюта, не дело так увлекаться спиртным: опозорилась перед всей группой! С мужиками тягаться – дохлый номер. Девушка должна быть всегда с ясной головой.

Аня молча терла тряпкой пол, пропуская мимо ушей упреки тети. Она не желала оправдываться, хотя имела уважительную причину. Да еще какую! Аня смахнула локтем слезу: тетя не мама, ей все не расскажешь.

Вымыв пол, девушка ополоснулась под душем и затем объявила, что уходит.

– Ну куда же ты пойдешь на ночь глядя. Обиделась, что тетя правду сказала? Ладно, умолкаю. Но ты должна усвоить сегодняшний урок и впредь рассчитывать силы.

– Я не обиделась, но пойду. Метро еще работает, всего-то пять минут пробежаться. Да и негде у тебя двоим ночевать: матрац-то один!

Не сумев уговорить племянницу, Маргарита Андреевна вышла вместе с ней на площадь, проводила до билетных касс метро, наказав позвонить, как только доберется. И отправилась назад. В полутемном переулке ей повстречался подвыпивший парень и начал было вязаться, но она не растерялась. Прожитые годы научили, как вести себя в любых ситуациях:

– Да ладно, дружок, иди своей дорогой. Ты внимательнее на меня взгляни: я же тебе в мамки гожусь!

– Коли мамка, тогда гони кошелек! – сказал он то ли в шутку, то ли всерьез.

Она достала из сумочки кошелек с мелочью, всегда лежащий там, – ключи и значительные деньги всегда носила во внутреннем кармане куртки или пальто:

– Держи!

Но парень махнул рукой и, покачиваясь, пошел дальше.

Вернувшись домой, Маргарита Андреевна налила себе пятьдесят граммов коньяка – все же струхнула, встретив в глухом переулке сомнительную личность. А если бы это был

маньяк какой? Не посмотрел бы и на ее возраст. А уж грабители и вовсе ни с кем не церемонятся. Женщина в раздумье взялась за бутылку, но решила, что на сегодня для нее достаточно. Однако сна не было ни в одном глазу, и она решила немножко посидеть за ноутбуком.

Маргарита Андреевна курировала интернет-сайт курсов: наполняла сайт контентом, была модератором форума, вела виртуальные уроки и учила, как писать сценарии. За это администрация курсов выплачивала ей небольшие суммы, ведь без этого рекламного сайта литературные курсы не смогли бы набирать группы уже несколько лет подряд. Сайт отбирал много времени, но и тут Маргарита Андреевна умудрилась формальную работу превратить в творческую, поймать несколько зайцев. Сочиняя короткие сценарии, она набивала руку драматургии, с тем чтобы сделать это своим основным заработком, если, конечно, роман, поданный на конкурс, останется не замеченным критиками. Душа тяготела к чистому писательству, но карман был пуст и диктовал свои правила. Второй, скрытый смысл этих сценариев заключался в том, что сочиняла их Маргарита Андреевна как страницы дневника, вспоминая ошибки и промахи своей жизни, как все писатели, занимаясь терапией души.

Темы приходили в голову спонтанно. Час назад, когда сурово отчитывала Анечку за то, что та перебрала спиртного, она уже знала тему следующего сценария. Была и в ее жизни неприглядная история, тоже связанная с алкоголем. Что ж,

это можно хорошо обыграть. Посетители сайта уже привыкли к постоянной героине Римме, ее альтер эго. Маргарита учитывала, что на сайт приходят как постоянные юзеры, так и новички, поэтому каждый свой сценарий оформляла обстоятельно: место действия, внешность героини, ее возраст. Но многие уже полюбили безалаберную Римму. Она обычно попадала в малоприятные истории: читатели любят читать, а зрители смотреть про плохих девочек.

Маргарита открыла страницу и записала: «В нехороших гостях. Сценарий». Затем расчертила на экране таблицу и начала заполнять графы.

Эпизод 1. Картина свадебного застолья в малогабаритной двухкомнатной квартире. Несколько столов составлены в один так, что стол-крокодил заползает из большой комнаты в маленькую. Во главе сидят новобрачные и их родители, а на дальнем торце, отделенным проемом двери, теснится приглашенная молодежь: друзья жениха и невесты.

Кадр 1.1. Римма, девушка лет двадцати двух, с пушистыми белыми волосами до плеч – крашенная блондинка, в просторной блузе с плечами по моде восьмидесятых и длинной расклешенной юбке сидит на молодежном торце стола. С двух сторон стул зажат табуретками, на которых пристроились молодые ребята: один в пиджаке, другой просто в белой рубашке. Они только что познакомились с Риммой.

Парень в пиджаке: Римма, вам что налить: вина или водочки?

Римма: Подождите, я еще свое шампанское не допила.

Парень в рубашке: Нет, Римуся, так дело не пойдет. Вот свободная рюмка – сделайте глоток водочки за здоровье жениха и невесты.

Кадр 1.2. Жених и невеста целуются под крики «горько». Приостановились, нерешительно смотрят друг на друга. Гости подзадоривают: «Горько, горько!»

Кадр 1.3. Римма со слезами на глазах, взгляд в сторону новобрачных, шепчет: «Милый, ну как ты мог выбрать ее?! Ведь я тебя так люблю!»

Парень в рубашке (уже перейдя на «ты»): Ты что-то сказала, Римуся?

Римма: Налей мне водки в бокал!

Парень в пиджаке: Может, тебе хватит?! Вот съешь лучше яблочко!

Эпизод 2. Та же комнатка, но стол из нее вынесли. Римма лежит на диване, на голове у нее мокрое полотенце.

Кадр 2.1. Полная пожилая женщина поднесла ко рту Риммы стакан воды, пахнувший нашатырем.

Женщина: Давай, пей уже, девочка, хватит упрямитесь.

Римма (отворачивает лицо): Нет, не могу!

Женщина: Сможешь! Или хочешь, чтобы и дальше тебя выворачивало?

Кадр 2.2. В комнату заходит жених. Он высок и красив, в петлице костюма белый искусственный цветок. Приближается к дивану, где лежит Римма.

Жених: Ну и зачем ты это нам устроила? Ты же ведь не пила никогда? Решила праздник испортить?

Римма: Извини. Я не хотела.

Маргарита поставила точку и задумалась. Сколько их, этих скелетов в ее шкафу! Как молодость беспечна и как эгоистична! Тогда главным было избежать страданий, потому и напилась, ведь она мечтала оказаться на месте невесты, но не сложилось... Как потом домой добралась, толком и не помнила. Кажется, тот, который в пиджаке, ее провожал. А куда исчез парень в рубашке, она и не заметила. Видно, сам здорово наклюкался, как на сегодняшнем застолье Вася Мячиков. Но с него-то как с гуся вода, а девушки хуже такие отравления переживают.

Решив, что на сегодня ее работа закончена, Маргарита Андреевна выключила ноутбук.

Она растянулась на матрасе, прикрыв тело пледом, и вскоре мерно задышала.

И во сне она снова видела себя молодой и свежей, куда-то бегущей среди поля ромашек.

Глава 4

Георг вернулся с вечеринки у Маргариты Андреевны поздно: он ездил в гости на метро и потому долго добирался назад. Вначале проводил Кристину. На вечеринке ему показалось, что она доступнее, чем Марго. Однако они расстались около ее подъезда, единственное, что удалось, – поцеловать ей, как Маргарите, ручку, и красotka тут же умчалась. А он поехал домой.

Большую часть пути проскочил на метро быстро и незаметно, ехал уже в пустом вагоне, даже задремал немного. Но потом долго ждал автобуса: в их глухой угол в это время маршрутки уже не ходили, а общественный транспорт по расписанию один раз в час. Пока стоял, зябко поеживаясь в осенней мгле, переминаясь с ноги на ногу, мыслями вновь вернулся к Марго. Вот ведь, тоже держит на расстоянии, но что-то есть в ее вздохах, взглядах. Или он внушил себе? Наконец подъехал автобус.

Сестра Надя еще не спала, она вообще последнее время мучилась бессонницей. Сев на кровати – тучная, с седыми распушенными волосами, в просторной ночной рубаше – сразу же накинулась с упреками:

– Гера! Ну как так можно?! Хоть бы позвонил, ведь твой телефон не отвечает! Легкомыслен, как мальчишка! Сказал, что на занятие пошел к руководительнице. Но какое занятие

до часу ночи?

– Ты же знаешь, Надюша, насколько сложно добираться в наш район. Целый час я ждал автобуса!

– Это все отговорки! Тебе наплевать на мое здоровье! Думаешь, ты кому-то будешь нужен, если меня не станет?! Пстой, пстой, – она принюхалась, демонстративно шевеля ноздрями, – ты никак выпивши?

– Хватит меня отчитывать как мальчишку! – в голосе Георга появились раздраженные нотки. – Ну выпил с группой, отмечали новоселье у Маргариты. И кстати, почему ты считаешь, что я никому не нужен? Есть у меня две дамы на примете...

– Дамы? Да кому ты нужен! Сейчас денежные мешки востребованы, а ты... Нищий отставник!

Георг подошел к кровати, погладил сестру по плечу, присел рядом:

– Не кипятись так, Наденька. Виноват, припозднился.

– Что за девицы-то, вертихвостки какие? – спросила уже чуть спокойнее сестра.

– Я же сказал: не девицы. Дамы. Одной в районе сорока будет, другой уже к полтиннику где-то клонится.

– И обе на тебя вешаются?

– Если бы, – Георг посмотрел на потолок, будто разглядывая обеих женщин. – Крепость еще взять надо!

– Сразу две?

– Еще не выбрал какую!

– А может, лучше не рисковать, Герочка?! Разве нам плохо вдвоем? Разве любая из этих дамочек сравнится с твоей сестричкой?

Надежда Петровна положила голову на плечо брата, вдохнула запах мужского пота, перемешанного с алкогольными парами. Нет, она его никому не отдаст! Его мужская прыть, должно быть, на исходе, а в остальном она Герочке сто женщин заменит. Поглаживая его заскорузлую ладонь, сестра мечтала, чтобы сидеть так, рядышком с ним, до конца своих дней.

Георгий осторожно высвободил руку из захвата, встал и, пожелав ей спокойной ночи, отправился в свою комнату.

Поспал он всего несколько часов – в восемь ему уже надо было заступать на дежурство на автостоянке.

* * *

Кристина могла спать хоть до обеда. Утомленная после вчерашней вечеринки у Маргариты, она не торопилась вылезать из постели. Только встала приготовить себе кофе и юркнула назад в кровать. Прихлебывая маленькими глотками бодрящий напиток и бездумно глядя в голубой кусочек неба за окном, вспоминала вчерашние события.

Сейчас ей казалось занятным, что весь вечер за ней ухаживал старый морской волк Георг. Она снисходительно принимала знаки внимания, не планируя развития отношений.

А ведь, провожая ее, тот еще пытался своими сухими губами ткнуться в ее руку. Мужу скоро шестьдесят, а ни положения, ни богатства: Кристина недавно просматривала личные дела курсантов и запомнила, что тот охранником на автостоянке работает.

И вообще ее привлекали мужчины помоложе, однако и не совсем мальчишки, хотя Кристина замечала на себе голодные взгляды дружков сына, ведь выглядела она на тридцать пять. Впрочем, недавно, когда сын ушел в армию, позволила себе одну необременительную связь с юнцом, но уже устала от него. Теперь хотелось мужчину посolidнее, если не с деньгами, то со статусом, а денег она и сама зарабатывает, строга вампирские романы по заказу издательства.

Но статусные все были семейными. Например, председатель секции прозы... Что ж, пусть был бы женат; жена не помеха, если смотреть сквозь пальцы на это маленькое неудобство и не требовать невозможного.

Звонок в дверь заставил-таки вылезти из постели. Кристина пронеслась в ночной сорочке в прихожую, прильнула к дверному глазку. На площадке стоял Рубальский – тот, кто минуту назад так настойчиво вползал в ее мысли, – с объемной сумкой в руках.

– Витя?! – удивилась Кристина, но в следующий момент вспомнила, что накануне он звонил по мобильному и обещал зайти утром по какому-то делу, связанному с конкурсом прозы. Его звонок, не вовремя пробившийся в суету ве-

черинки, совсем выскочил из головы. – Подожди минутку, я только оденусь.

Рубальский опустил сумку на пол и прислонился спиной к двери, готовясь к долгому ожиданию и чертыхаясь про себя, что Кристина оказалась не готова к его приходу, хотя уже первый час дня.

Женщина же метнулась назад, распахнула платяной шкаф, но тут же закрыла. Нет, не стоит наряжаться как-то специально, лучше предстать перед гостем в простом домашнем одеянии.

Снова вернулась в прихожую уже в приличном обличье: бриджи в мелкий цветочек и обтягивающий зеленый топик. Он удачно контрастировал с рыжими волосами – их она тоже успела расчесать и провести помадой по губам; и только белесые ресницы накрасить времени не было. Распахнула дверь.

– Ну здравствуй, Витек! Зачем пожаловал? Извини, что заставила ждать: недавно встала, вчера у Марго гуляли.

– У Марго? А что у нее было за событие?

– Новоселье! И представляешь, всю группу литераторов пригласила, требует, чтобы я отметила ей в ведомости учебный час.

Рубальский не только возглавлял секцию прозы в Союзе писателей, но и был главным организатором и номинальным директором курсов литераторов, вот почему так подробно Кристина отчитывалась о прошедшем у Маргариты Андре-

евны вечере.

– Ну запиши ей два академических часа, жалко, что ли?!

– Как скажешь, товарищ начальник! Да ты проходи, проходи в комнату. Куртку давай сюда, сама повешу. Ботинки снимать не надо, вытри только ноги о коврик.

Даже сняв куртку, Рубальский выглядел как принц: темно-серые брюки, белая рубашка и с коричневыми штрихами дымчатый галстук.

Кристина по-свойски подтолкнула коллегу в комнату сына, где она временно устроила себе кабинет, а компьютер ребенка теперь стал ее рабочим инструментом.

Виктор Игоревич опустился в кресло, поставил сумку на колени и огляделся. Он был в квартире Кристины впервые, хотя уже полтора года, как она стала его незаменимой помощницей в разных организаторских делах.

– Я, собственно, Кристя, вот по какому делу. Привез тебе бумажные экземпляры конкурсных работ. Просмотри, пожалуйста. Ты же помнишь, я не только в оргкомитете, но и в жюри конкурса, но читать все это мне сейчас некогда, доверюсь твоему вкусу. Ты, когда просмотришь все, выдели, пожалуйста, три лучшие работы, я их и отрецензирую.

Он выложил на журнальный столик с десятков папок – старинных с завязочками и современных пластиковых, с металлическими зажимами. В каждой лежала оформленная автором рукопись.

– Я могла бы и в электронном варианте прочитать, – по-

жала плечами Кристина. – Зачем было эти кирпичи сюда тащить?!

– Они у тебя сохраннее будут. Мой пацан всюду нос сует, ничего от него не спрячешь!

– Я думала, что у тебя уже взрослый парень, старшеклассник.

– В девятом. От такого тем более ничего не спрячешь.

– Тоже мечтает быть писателем?

– Уже получил грамоту на конкурсе юных поэтов! – Виктор Игоревич непроизвольно вскинул подбородок, говоря о сыне, достал мобильный телефон, посмотрел время:

– Без четверти час! Пора дальше бежать, мне еще в издательство надо заехать.

– Нет-нет, я тебя не отпущу, пока не позавтракаем вместе.

– Уже обедать впору, а ты – завтракать!

– Могу чем-нибудь существенным накормить, поищу в холодильнике. Не надо будет время на обед тратить, поедешь прямо в издательство.

– Ну уговорила. Где у тебя руки можно помыть?

Вскоре Кристина пригласила Рубальского на кухню. Пока она разогревала в микроволновке курицу-гриль, пока нарезала салат, успела между делом подкрасить ресницы, замазать тоном привычные веснушки на носу и убрать блеск с кожи спонжем с пудрой.

Гостя она посадила так, чтобы солнечный луч освещал ее лицо, все еще молодое и эффектное. Теперь ее уверенность

в себе возросла. Макияж для женщины что кортик для морского офицера.

И гость, сев на табуретку у кухонного стола, сразу оценил ее внешность:

– Да ты красавица, Кристи! Куда только наши мужики смотрят? Ты ведь одна живешь?

– А ты смотри, смотри на меня, Витюша ...

Рубальский смутился, замолчал, отвел взгляд. Он не имел намерений переводить отношения с Кристиной в русло романтических, но она его смущение поняла по-своему. Тут же вскочила, достала из шкафчика бутылку водки и две стопки. Сама и разлила прозрачную живительную влагу:

– Совсем забыла! Для аппетита каплюшку!

– Мне вообще-то по делам еще ехать...

– Дела одна стопочка не помешает! – Кристина приподняла свою стопку, призывая гостя последовать ее примеру.

Рубальский, как и многие писатели, был равнодушен к спиртному, хотя и держал себя в рамках. Внезапно замеченная красота коллеги по Союзу открыла эмоциональные шлюзы, и он уже не мог противиться сорокоградусной злодейке.

Одной рюмкой дело не обошлось, росла и горка куриных косточек на столе. Незаметно бутылка опустела на две трети, и теперь болтовня приняла совсем интимный характер. Кристина придвинула свою табуретку вплотную к табуретке Виктора, обняла его за плечи, продолжая рассказывать какую-то байку из жизни писателей. Он машинально опустил

свою руку на обтянутое трикотажем бедро. Почувствовал, как напряглась мышца под его ладонью. В следующий момент женские пальчики ощупывали застёжку его безупречно наглаженных брюк.

– К-крестя! Сейчас не в-время. Мне же надо идти, редактор т-только до четырех часов будет на рабочем месте. Ч-черт! Кажется, язык уже... не того ...

Рубальский собрал волю, сосредоточил взгляд на часах, висящих на стене кухни: маленькая стрелка устремилась к цифре три. И не только намеченный заход в издательство, сколько смущение от натиска Кристины, абсолютно для него неожиданного, выталкивало гостя из квартиры.

– Позвони ему, Витюша, скажи, что задерживаешься.

Кристина, в отличие от Рубальского, была почти трезва, ограничась только первым тостом. Затем дважды тайком переливала водку из своей стопки в чайную кружку, стоящую рядом, а потом уже и таиться не приходилось: гость просто не замечал, что подливали только ему.

Пока Рубальский звонил по мобильному и, слегка запинаясь, обсуждал с редактором дела, Кристина разлила оставшуюся водку, на сей раз плеснув и себе.

Нажав сигнал отбоя, Рубальский с воодушевлением объявил:

– Редактор дал отбой, ему срочно надо ехать на к-канигу... черт, книготорговую базу! В общем, он перенес в-встречу! Давай по такому случаю еще по рюмашке.

Они чокнулись и выпили. А потом прикончили и заначку Кристины.

На кухне уже нечего было делать. Переместились в спальню. Кристина говорила Виктору много льстивых слов о его книгах, статьях, общественной деятельности. Он чувствовал, как у него за спиной вырастают крылья, и потому охотно позволил снять с себя галстук. Рубашку и брюки он снимал уже сам.

Когда оба в изнеможении откинулись на подушки, Кристина хладнокровно сравнивала нового любовника с юнцом. Витя чуть не дотягивал по анатомическим данным до предшественника, зато был более искусен в ласках.

Потом поели еще раз, и ближе к вечеру гость ушел. Оказывается, он обещал сыну съездить вместе с ним в компьютерный магазин, купить какие-то гаджеты. Перед сыном Рубальский всегда держал слово. Кристина похвалила его за обязательность и, по-семейному поцеловав в щеку, выпроводила за дверь.

Через два часа она ожидала в гости своего юнца.

* * *

Аня Куприянова на следующий день после вечеринки у тети Риты тоже находилась дома, потому что у нее начался отпуск. Дома – это в маленькой полутемной комнатушке, которую она снимала в большой коммунальной квартире. Хо-

зьяйка, сдававшая комнату бойкая пенсионерка, жила рядом, за стеной.

Аня вспомнила, что прошло уже несколько дней, как она обещала тете Рите отправить по электронной почте рукопись, но все не могла выбрать время, чтобы слегка отредактировать ее перед отправкой. Тетя советовала ей писать о том, о чем Аня хорошо знает: о кошках, собаках, морских свинках и прочей живности. Но ей хотелось писать о возвышенном – любви, ревности, изменах, о том, что волновало ее в настоящий период больше, чем в общем-то любимые ею зверушки.

Аня устроилась в стареньком продавленном кресле, положив на колени ноутбук, вывела на экран нужный текст, но вдруг почувствовала неукротимый позыв тошноты. Едва успела выскочить из комнаты и добежать до раковины на кухне: в коммуналке не было ванной комнаты, а уборная вечно была занята, так что неприглядная картина Аниного бедствия оказалась на виду у соседей. Они тут же начали чистить ее, те, кто видел, что она вчера поздно вернулась домой, обвиняли еще в пьянках-гулянках. Аня сполоснула лицо, вымыла раковину и молча удалилась к себе в комнату. Но продолжить работу не удалось. Почти сразу без стука в комнату вломилась хозяйка, заняв своей объемистой тушей все пространство. Подслеповатым, но цепким взглядом осмотрела целостность своей мебели, сбросила с колченогого стула одежду Ани и сама уселась на него, поставив посреди ком-

наты. Стул скрипнул и зашатался, но выдержал вес крепкой еще старухи.

– Вот что, голубушка, – без всяких предисловий взяла обвинительный тон хозяйка, – отвечай без утайки: сколько недель беременности?

– Да я... да мне... А откуда вы знаете?

– Чай, не вчера родилась, дорогуша. Да и по работе насмотрелась за свою жизнь, сорок лет в абортарии проработала. Лицо зеленое, по утрам травишь, в глазах туман.

– Десять недель, – тихо призналась Аня.

Несколько дней назад она побывала у доктора и получила точный ответ. Она не знала, с кем поделиться этим знанием. Дело в том, что случилась с ней романтическая история этим летом, когда девушка устроилась работать ветеринаром на частную загородную конюшню. Она не устояла: слишком пригож был собою мужчина, владелец вороной кобылы. Шутя, она говорила другу, что он, жгучий брюнет, наверняка имеет со своей пепельно-черной лошадкой общую аллель, то есть генетическую дорожку. Он не отрицал такого предположения, потому что тоже любил пошутить. И вдруг месяц спустя объявил, что получил зеленую карту для работы в Канаде и покидает родину. Утешал неумело: «Ты же взрослая девушка, плакать не будешь, найдешь себе жениха с квартирой и машиной, а у меня только и была эта кобылка. Пришлось продать. И она видела, что он сильнее сожалеет о расставании с лошадыю, нежели с ней, Аней. Ей лишь давал на-

ставления, как ухаживать за кобылой, чем кормить, просил, чтобы держала его в курсе, писала в Канаду, что и как. Однако то ли по забывчивости, то ли умышленно адреса не оставил даже электронного и на звонки мобильного не отвечал. Аня погоревала до конца лета, а потом, не в силах ежедневно видеть лошадь без хозяина, уволилась с конюшни. Немаловажной была и удаленность конюшни от города.

Работу удалось найти только в зоомагазине продавцом, зато в нескольких минутах от дома, где она снимала комнату.

– Десять недель, – смиренно подтвердила Аня.

Хозяйка кивнула головой, вроде как удовлетворенная ответом, потом сказала:

– Могу тебя по знакомству на чистку послать, еще успеваешь. Но не тяни с этим делом. Зайди ко мне, я тебе дам телефончик докторицы.

– Я сама найду, куда мне обратиться, – Аня упрямо сжала губы, поняв, что не желает быть обязанной всегда чем-то недовольной хозяйке.

– Сама так сама! Но когда дело сделаешь, принесешь мне справку, что чиста. Не рассчитывай, что я девке с ребенком комнату буду сдавать. Да и соседи тебя выживут, не сомневайся.

Когда хозяйка встала, двинув стулом так, что он опрокинулся, и вышла из комнаты, Аня повернула дверную задвижку. Так было спокойнее обдумать случившееся. Почему она в самом деле, пока хозяйка не разоблачила ее, не предпри-

нимала никаких действий, чтобы ускорить разрешение ситуации? Все тянула и тянула с решительными действиями, хотя сразу же, как узнала о беременности, взяла в клинике направление на аборт.

Аня погладила себя по обнаженному животу, подняв край футболки. Живот, как и прежде, был еще плоским, хотя и показался слегка припухшим. Пока было только странное ощущение, что там, в глубине, зародилась новая жизнь, но никаких проявлений этой жизни, кроме скупой рвоты по утрам. Или вот вчера всего полбокала шампанского выпила, а ее снова выворотило. Все курсанты думали, что перебрала девушка. Особенно осуждающе тетя Рита смотрела и что-то там выговаривала. Знала бы она, как все непросто у племянницы!

Положение безвыходное, жить с ребенком будет негде, назад, в Гатчину, где Аня зарегистрирована, возвращаться не хочется и некуда. Отец, подождав два года после смерти матери, привел в дом новую жену – а у них была всего-то одна комната, где втроем жили. Неожиданно слезы полились из глаз, она будто оплакивала не родившегося, но уже обреченного на гибель ребенка.

Вытерев тыльной стороной ладони слезы, Аня снова открылась ноутбук и углубилась в работу, ведь в своем рассказе она могла обыграть и эти слезы, и эту печаль, переделать концовку. Да! Именно это она и отредактирует, сделает счастливый финал: пусть хотя бы ее героиня выносит и ро-

дит этого ребенка. Вот она – целебная сила писательства!

К середине дня рассказ был переработан и отослан преподавательнице.

Вскоре Аня принесла хозяйке справку от гинеколога, что сделала аборт.

Глава 5

Георг безуспешно обивал пороги административных кабинетов, размахивая коллективным письмом литераторов, требуя оставить за учебным центром здание на Сенной площади. Остальные скептически относились к его усилиям и искали другие возможности. И вскоре нашлось решение: Лидия Валерьевна Пьяных, заведующая районной библиотекой, добилась разрешения у своего начальства временно использовать для занятий читальный зал. Эта библиотека хотя и располагалась тоже на окраине, но в обжитом районе Купчино, рядом с метро, что устраивало всех слушателей. За то, что использовали помещение, курсанты раз в месяц обязались выступать с лекциями перед читателями. Первый доклад сделала сама Лидия Валерьевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.